

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

*Межрегиональная
научно-практическая конференция*

Октябрь 2003 г.

Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

Абакан
2003

ПЛЕНАРНАЯ ЧАСТЬ

*В. Я. Бутанаяев,
Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова*

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ У ХАКАСОВ XIX в.

20 августа 1727 г., согласно Буринскому пограничному трактату Кяхтинского мира, все земли и народы, находившиеся по северную сторону Саян, отошли к России, а по южной – к Китайской империи.¹ В силу этого международного договора территория Хонгорая была официально присоединена к владениям Российского государства. Однако Джунгария, являясь врагом Китая, не признала потери своих бывших киштымов и вплоть до своей гибели в 1756 г. отправляла сборщиков ясака в долину Абакана, поэтому фактическое закрепление долины Среднего Енисея за Россией произошло только в середине XVIII века, когда была создана пограничная служба из казачьих войск.

После присоединения Хонгорая к России ее территория была разделена между Кузнецким, Томским и Красноярским уездами. Оставшиеся группы кыргызов и их киштымов объединились в различные волости и земли, созданные сибирской администрацией.² В составе Красноярского уезда в долине Енисея была образована Качинская земля, куда после 1727 г. вошли земли бывшего Исарского улуса, а также Койбальская земля, возникшая на месте предыдущего Тубинского улуса. К Кузнецкому уезду отошли земли бывшего Алтырского улуса, располагавшегося в долине Абакана, где были созданы Сагайская, Бельтырская и Бирусинская земли. Долина Июсов, где ранее располагалась территория Алтысарского улуса, закрепилась за Томским уездом. На этом месте к концу XVIII века возникла Кызыльская земля, которая первоначально состояла из отдельных волостей. Все хакасские земли включали в себя десятки различных административных родов. Каждый род управлялся родовым старшиною или башлыком, именовавшимся по-русски князьцом. Достоинство башлыка, «по древней природе управления», являлось наследственным. Приказы его выполнялись помощником, называемым есаулом. Общественный порядок по-хакасски назывался термином «ус-пас» (букв. конечности и голова). Как говорят хакасы, общество живет по законам (прай ниме устыг-пастыг – т.е. все имеет голову и конечности). За общественным порядком следили руководители, именуемые «устагчы».

В знак признания русского подданства хакасские князья отрезали косички «киджеге», которые носили мужчины Хонгорая в качестве прически. До сих пор хакасское выражение «кичегслиг чӱрген туста» (во времена ношения косичек «киджеге») обозначает понятие, связанное с жизнью до присоединения к России. В связи с изменением традиционных причесок соседние тувинцы стали называть хакасов «донгур» – комолые.³ Косичка «киджеге» для мужчин имела сакральное значение, где, как считалось, находилась часть души человека. Срезанная косичка во время свадьбы вплеталась в волосы жены в качестве оберега. Если в драке оторвали «киджеге», то пострадавший имел право за бесчестье получить одного коня с верховым прибором.

Как утверждают исторические предания, русское правительство вручило башлыкам, стоявшим во главе земель, атрибуты власти – саблю для усмирения непокорных, нагайку для наказания непослушных и красный флаг для свидетельства монголам и джунгарам, что за Хонгораям стоит сила Российского государства. Выдача знамен пограничным дружинам народов Саяно-Алтая действительно произошла в 1728 г. На них было изображено красное солнце и написаны слова: «Никому не уступает».⁴ Один из этих атрибутов власти – сабля, обыкновенной старинной формы, еще в начале XIX в. хранилась как святыня у потомков сагайского башлыка Наира Тулбечекова.⁵

В 1822 г., по реформе М.М. Сперанского, территория Хонгорая была включена в состав новообразованной Енисейской губернии. Разбитые до этого по разным уездам хакасские земли объединились в составе одной губернии, где образовались четыре степные думы: Качинская, Койбальская, Сагайская (первоначально – Соединенных и разнородных племен) Минусинского округа и Кызыльская Ачинского округа. Они стали подчиняться окружному управлению. В 1855 г. Качинская степная дума разделилась на Абаканскую и Июсскую инородные управы. Однако в 1864 г. земли качинцев объединились вновь в одно ведомство, но уже в качестве Абаканской инородной управы. Из-за своей малочисленности в 1858 г. была ликвидирована Койбальская дума, а ее роды в основном (за исключением

Салбино-Койбальского) были приписаны к Сагайской думе. В 1893 г. Сагайская и Кызыльская степные думы были реорганизованы в Аскизскую и Кызыльскую инородные управы. Последние, в отличие от дум, подчинялись земской полиции и выполняли в основном судебнополицейские функции.

Подразделениями степных дум, а затем и инородных управ, служили административные роды. «Каждый род составляет самоуправляющееся общество кочевых инородцев, – отмечал Д.Лаппо, – объединенное податными и земельными интересами и обычно-правовой формой суда». Административные роды не соответствовали понятию кровного родства, связанного общностью происхождения. Как правило, они объединяли по несколько кровнородственных сеоков. «Если в основу нынешних родов минусинских инородцев и легли более древние организации родового быта, – сообщал Д.Лаппо, – то во всяком случае не может быть сомнения в том, что порядок разделения родов и перечисление инородцев из одного рода в другой, установленный положением об инородцах, давно разрушил в управлении начала кровного родства, создав на месте разрушенных древних родов административные единицы, ничего общего с ними по самой своей природе не имеющие». Роды были образованы на основе личного подчинения глав семейств родовому управлению, которое состояло из родового старосты и двух помощников. В родовом управлении все дела разбирались словесно, письменных просьб не существовало. «Ограждая степное обычное право, – писал Д.Лаппо, – (российский) закон или совершенно устраняет письменность из производства Инородческих установлений, или же предоставляет ее в зависимости от возможности». ⁶ Однако в степных думах (туум-тура) и инородных управах, благодаря штату письмоводителей и их помощников, все дела в установленном порядке производились на письме.

Во главе степных дум находились беги (пиглер), называемые в официальных документах родоначальниками (в инородных управах – головою). Они выбирались, как правило, из среды байства и древней аристократии. «Следовательно, должность родоначальника была по существу тоже не новая, – отмечал С.А. Токарев, – и в ней сохранились, очевидно, те же старые родоплеменные и полуфеодальные традиции». От родоначальников обязательно требовалось знание русского языка. Например, в Койбальской думе в 1843 г. избрали М.Чубугина, «знающего хорошо российский язык, который под судом и в штрафах не бывал, ясак и повинности оплачивает бездомночно, поведения хорошего, имеет достаточное скотоводство, немалую запашку и дом со всеми к нему принадлежностями». ⁷ Д.Лаппо, посвятивший одну из своих работ общественному управлению хакасов, писал: «Само собой разумеется, что правительству удобнее вести дела с более культурными, привыкшими к управлению богатыми родовичами, чем со сходом кочевников, стоящих на более низкой ступени гражданского образования и совершенно не понимающих условий и требований культурного государства». ⁸

В XIX веке под влиянием новых условий наследственность власти сменяется выборностью. Об этом свидетельствует следующая поговорка: «Айна тапса – хам, чон тапса – пиг» – «Если выберет дьявол, то будет шаман, если выберет народ, то будет бег». Власть находилась в руках баев – богатых скотоводов. В хакасском языке для определения понятия власти применяется термин «улгу». Данный термин употребляется также и для обозначения закона. Например, «хан улгузи хазыр» – власть хана строга; «үлгүсирек» – законопослушный человек; «үлгу-чаргы» – правительство и т.д. Таким образом, для хакасов власть одновременно являлась законом. Слово «улгу» происходит от хакасского глагола «үле-» (делить, наделять), т.е. то же самое, что и слово «чаргы» – суд от глагола «чар-» (разделить, разрубить). Данные слова логически связаны с известным выражением: «Разделяй и властвуй!». Кроме того, для обозначения жестокого порядка управления и деспотизма употреблялся термин «хаман» или «хабан». Например, «хаманы хатыҕ кизи» – деспот, тиран; «хаманны көргөн, күйөөнү чалхаан» – хлебнул беды (букв. испытал тиранию, сажу лизал). Данный термин, по всей видимости, восходит к древнетюркскому слову «кабын» (вид натуральной подати).

Назначение бега (родоначальника) утверждалось генерал-губернатором Восточной Сибири. Бег мог быть избран пожизненно. Руководство степными обычаями давало хакасам широкое право при определении срока службы их должностных лиц. По всей видимости, первоначально сохранялась древняя традиция наследования княжеского звания. Например, во второй половине XVIII в. главой Качинской земли был бег Паган Кобежиков, его наследником стал сын Борис. После него служил бегом его сын Палтан. Сын Палтана Апчай был чайзаном, т.е. главой рода. Затем Апчаев сын Прок опять служил бегом. В 1822 г. главой Качинской степной думы стал Чирка Каргин, затем его сын Харроол, а после него (в 1860-е гг.) – его внук Петр. Бег Чирка Каргин (из сеока хыргыс) имел 12 тыс. лошадей, до 5 тыс. крупного рогатого скота, 12-15 тыс. овец, 30 дес. запашки в поле. Отец его был почти единственным поставщиком лошадей и скота на прииски и скопил до 30 тыс. рублей серебром. Все строения усадьбы занимали пространство около десятины. «Дом окружен юртами, в которых живут

его работники. Их у него с пастухами до 250-ти».⁹ В Кызыльской думе с 1822 г. бегом служил Петр Федорович Ульчугачев. Затем – его племянник Егор Григорьевич Ульчугачев.

В 1827 г. в Койбальской думе после смерти бега Н. Качилорова «князьцы, старейшие и родовичи Койбальских улусов» решили на основании § 152 устава об управлении инородцев «во уважение заслуг сказанного Качилора и любви к нему избрать родоначальником сына покойного Владимира Качилора. Но как ему еще 19 лет, то должен он находиться до совершенных своих лет под надзором родного своего дяди Ивана Васильева Капсаргина, которому и быть до совершеннолетия Владимира его наставником и помощником в управлении нашего Койбальского племени». Необходимо отметить, что указанные две фамилии происходят от двух братьев Качилора и Капсарги Марыпкаевых, относящихся к одному роду «ханг». Согласно требованиям сибирской администрации, на должность башлыков выбирались мужчины не моложе 21 года. В. Качилоров прослужил бегом до 1834 г., после чего в результате борьбы за власть со своим двоюродным братом Устюжаном, сыном И.В. Капсаргина, был вынужден покинуть этот пост.¹⁰

Во второй половине XIX в. наследственная власть бегов в думах уходит в прошлое. Например, в 1863 г. на место Н. Кызласова «по неимению ныне в роде Кызласовых, достойных и способных заступить на эту должность по законному праву, единодушно и единогласно избрали родоначальником инородца М.Е. Четыкова».

Среди башлыков во второй половине XIX в. вошел в практику обычай: прослужив три года бегом – уходить в отставку. Например, бег М. Четыков возглавлял Сагайскую степную думу в 1863-1865-е гг. и 1867-1869-е гг.; П. Мойнагашев служил родоначальником с 1869 по 1872-е гг.; Е. Топоев был бегом с 1872 по 1875-е гг., Ф. Курчехов – с 1875 по 1877-е гг., М. Четыков – с 1877 по 1879-е гг. Все они были награждены серебряными медалями «за усердие». Башлыки пожизненно освобождались от податей.¹¹

Кроме родоначальника при степной думе находились два заседателя – «чыынныг» (в инородных управах – два выборных) и письмоводитель (хатчы). Последний обычно происходил из русских, т.к. хакасы в основной массе были безграмотными. В функции заседателей входило исполнение судебных обязанностей. Кроме того, выбирался казначей – «сундук пазы» (букв. глава сундука, т.е. денежной кассы), который хранил денежные суммы, предназначенные для общественных расходов и сдавал собранный ясак в окружное казначейство. Все должностные лица – заседатели, казначей, князьцы (помимо письмоводителя) – утверждались в должностях гражданским губернатором Енисейской губернии. Как бегу, так и другим башлыкам российским законом было «предоставлено право по их степным обычаям, разумеется, на мирской сходке, обсуждать и решать все дела». Бег совместно со своими заместителями чинил «улул чаргы» – суд второй степени словесной расправы, высший суд в хакасских ведомствах. Он судил все дела, кроме дел о жизни или смерти, которые передавались в суд в г. Минусинске или г. Ачинске.

Судопроизводство хакасов сохраняло патриархально-феодалные черты, основанные на обычном праве. «Степные законы» укрепляли господство баев и башлыков над простым народом. В хакасском суде было принято – «не разбирая категорически дела, держать сторону богатого». Хакасская пословица учила: «Не соревнуйся с баем, не борись с удалцом». Бедняк даже не помышлял судиться с баем.

Бегу подчинялись чайзаны, возглавлявшие административные роды или «джоны» (чон – букв. народ). В официальных документах они назывались улусными башлыками, родовыми князьями или родовыми старостами. До начала XIX в. их власть передавалась по наследству. «Достоинство башлыка было в прежние годы наследственное, – сообщали русские документы 1820-х гг., – а ныне избирательное, хотя же в некоторых родах или улусах ныне еще находятся некоторые князьцы, занимающие достоинство свое по наследию; но сие происходит уже не от постоянного обычая, но от того, что лица найдены достойными».¹² Например, во второй половине XVIII в. главой ближнекаргинского рода был чайзан Сур Сунчугашев, после смерти которого место занял его сын Себенек. После Себенекэ этим родом вплоть до 1822 г. управлял его сын Орас. В XIX в. с утверждением выборной должности башлыков сохранилось право за уходящим со своего поста чайзаном назначать вместо себя кандидата. За такую услугу он получал с нового чайзана в подарок одну или две лошади.

На должность бегов и чайзанов, согласно хакасским правилам, избирались мужчины, достигшие сорокалетнего возраста. Например, в 1869 г. поставили родоначальником П. Мойнагашева, «имеющего от роду 40 лет». До сих пор среди хакасов соблюдается обычай, когда на торжествах благословляют только те люди, которые достигли сорока лет.

Избрание на должность происходило на общем собрании родовичей. «Родоначальниками и родовыми старостами избираются лица не по уму, а по состоянию, кто имеет много скота, лошадей и денег, тот и назначается на эти обязанности. Богатые избирают друг друга сами, бедный инородец волей

неволей соглашается, если же начнет излагать свое по какому-либо случаю несогласие или мнение, то подвергается как грубиян наказанию и нередко заключению, в пример прочим, в каталажку», – писал о выборах башлыков И. И. Каратанов.

В обязанности чайзана входило вести учет числа платежных душ своего рода, разбирать искивые дела и собирать албан. Часто многие рядовые хакасы отсутствовали в официальных списках, и их деньги шли ему в карман. За неповиновение чайзану бедняка наказывали 15 ударами розог.

Символом власти чайзана была родовая печать – «тамга», с которой он никогда не расставался. «Передача родовым старостой или выборным управы печати – равносильна отказу от должности и передаче своих полномочий», – отмечал Д. Лаппо. Около юрт башлыков – бегов, чайзанов и есаулов – специально устанавливали шестиаршинные шесты с красными флажками (туг). За свою службу башлыки сначала получали денежное пособие, а с 40-х гг. XIX в. им стали выделять официальное жалованье. Русская администрация была осведомлена, что беги и чайзаны получают «жалованье из мирских сборов, но сколько неизвестно». В 1845 г. Сагайская дума доносила, что родоначальнику уплачивалось 285 р.; двум заседателям думы – по 142,5 р. (т.е. в 2 раза меньше, чем бегу); казначею для приема казны – 142,5 руб.; одиннадцати улусным князям – по 85,5 руб.; двадцати двум есаулам или сборным старшинам – по 28,5 руб.¹³ В 1875 г. родоначальник Сагайской думы получая 120 руб. в год, два заседателя – 120 руб. и 12 родовых старост – 453 руб.

Жалованье бега было в два раза выше, чем у заседателей (чыынныг), и почти в четыре раза больше, чем у чайзанов. Эти факты свидетельствовали о сложившейся иерархии среди башлыков. Хакасские беги и чайзаны «хотя и получая жалованье, податей и повинностей никогда не платят, а пополняются таковые сбором с инородцев по особой раскладке». Подобное патриархально-феодалное право укрепляло экономическую мощь башлыков и господство их над простым народом.

В течение года каждый член рода отработывал по очереди (теес) повинность «нымыс» на своего чайзана. Рядовой скотовод, находившийся в услужении у чайзана, назывался по-хакасски «нымысчы», а в официальных документах «десятник у князьца». Например, в 1854 г. чайзан Лап Азараков объявил Г. Сербекову, что «общество инородцев избрало его на услужение в будущем 1855 году десятником при думе или у князьца Парфенова». До этого в 1853 г. «служил при думе десятником ... за семейство свое» его брат А. Сербеков. По всей видимости, эта форма внеэкономической эксплуатации была официально не утверждена. В Койбальской думе была сделана попытка выделить жалованье для «нымысчы», но она не получила поддержки у народа. В 1845 г. рядовые скотоводы возмутились, что бег Чубугин «самовольно производит противозаконный сбор денег с инородцев, для жалованья себе и избранному в услужении к нему по собственным надобностям инородцу». Утверждение жалованья для нымысчы обозначало бы лишнюю статью дохода башлыков. В Сагайской думе нымысчы работали на чайзана в течение года, а в Качинской – помесечно.¹⁴ Эта форма патриархально-феодалной эксплуатации существовала вплоть до начала XX в.

За оскорбление башлыков взимался платеж «за бесчестье». Например, в 1876 г. за оскорбление бега Ф. Курчекова Сагайская дума приговорила с Т. Межекова «взыскать за бесчестье деньгами пятьдесят рублий».

Низшим рангом башлычества были чазоолы – сборщики податей. Они исполняли также полицейские обязанности. Символом власти чазоола служила серебряная нагайка (тобырчы), носимая за поясом. В случае необходимости он всегда мог пустить ее в ход для наказания виновных. Интересно отметить, что шаманский жезл, признак особой силы шамана, назывался у хакасов «хам хамчызы» (букв. шаманская плеть). Рядовые скотоводы, в качестве неперемennого атрибута, носили простые плетки. При входе в юрту, в отличие от чазоола, они обязаны были ее оставлять около входа. Рукоять плетки хакасы, как и другие тюрки Саяно-Алтая, непременно делали из таволожника (табылгат).

Родовое управление в думах было основано на личном подчинении каждого родовича. Территориального деления не существовало. В связи с тем, что представители разных родов жили смешанно, а связь между входящими в один сеок являлась наследственной, то чазоолы собирали албан не с определенных участков, а каждый с 40 юрт своих единокровцев (пир чазоол мойнында хырых тунук). Выделение 40 юрт в качестве податной единицы для сборщика ясака сохранилось со времен Кыргызского государства, где каждый аймак в административном отношении подразделялся на группы в 40 айлов. Необходимо добавить, что даже шаманы для приготовления своего нового снаряжения собирали мзду с 40 юрт. По всей видимости, в древние времена и предводители родов, и жрецы соединяли в своем лице власть. «Сборщики податей, – сообщалось в «Восточном обозрении», – это современные царьки, царствующие дней семь-восемь среди 30-50 человек каждый, а считая семьи, то и среди 100-200 человек». Иногда для сбора налогов выезжали сами чайзаны, взимавшие деньги с особой жестокостью.

Должность чазоолов была выборная, но бессрочная. «Чазоолы или помощники родовых старост также и старшины назначаются обществом на голосах и утверждаются думою без приговоров», – отмечал И. Каратанов. Во время сбора албана содержание их оплачивалось особым расходом. Хотя помимо этого чазоолы собирали сами небольшие суммы денег «чореен чобаг» – т.е. за хождение по мукам, в размере от 50 до 80 коп. с человека, идущие в их карман.

Выбирали чазоолов из байской молодежи. «Эти органы инородческой власти и действия их, подчиненные родовому старосте, законом не предусмотрены; они не доступны надзору и контролю правительственных органов; они созданы обычаями инородцев, самою необходимостью», – писал Д.Е. Лаппо.¹⁵ Далее он отмечал: «Внутренняя жизнь инородческих обществ мало доступна постороннему наблюдению; привыкли видеть в русских постоянных себе обидчиков, инородцы воспитали в себе большую неоткровенность относительно всего, что касается общественной обычно-правовой жизни». Чазоолы платили всего половину албана или вовсе освобождались от податей. Все башлыки пользовались общественными льготами, получали денежное пособие, что еще больше укрепляло их экономическую мощь.

В XIX в. в хакасском обществе выделился социальный класс баев – богатых скотовладельцев. В закабаленном положении находились неимущие бедняки. Социально-классовое деление аала основывалось на имущественной дифференциации хозяйств и, главным образом, на скот. Однако эти показатели необходимо брать в комплексе, учитывая не только содержание скота, но и занятия подсобными промыслами, наем работников, отпуск рабочей силы и т.д. Для обозначения классово-сословного деления в хакасском языке применялся термин «хурах». Например, «пос хурах» – человек своего класса; «пир хурах» – человек одного возраста и положения. Данный термин восходит к древнетюркскому слову «кур» – положение, чин, достоинство, ранг. Исходя из этих фактов, можно предположить, что социально-классовое деление в Хойгорае возникло еще во времена Кыргызского государства.

Сложное сплетение патриархально-феодального и примитивно-капиталистического гнета лежало в основе выделения «чох-чоосов» – наиболее эксплуатируемой части трудового населения. К ним относились бесхозные бедняки и хозяйства, имевшие по 1-2 лошади, 1-9 коров и до 20-30 овец, т.е. всего до 10-15 голов скота в переводе на крупный. Не располагая прочной экономической базой, чох-чоос должен был вести воспроизводство стада, кормить семью, платить подать. В силу необходимости он мог продать от силы 1-2 головы рогатого скота на 15-30 руб. овец – 4-5 голов по 3 руб. В сумме годовой бюджет чох-чооса составлял примерно до 40-65 руб. Чох-чоосы вынуждены были иметь побочные занятия, идти в кабалу и в наем.

Среди чох-чоосов имелось несколько социальных групп.

1. «Хулы» – самая бесправная и неимущая группа чох-чоосов. Обычно это были обездоленные сироты или не имевшие своего хозяйства люди, закабаленные долгами, иногда наследственными. Хулы находились в разной степени феодальной и кабальной личной зависимости. В байском доме держалась женская прислуга из хулов. Эти женщины не имели своей семьи, часто растили внебрачных детей.

2. «Халтары» – беднейшая группа чох-чоосов, нанимавшаяся работать на золотые прииски, соляные разработки, заводы и другие промышленные предприятия вне аальной общины. Обычно весной халтары нанимались работать на золотые прииски. Осенью производился расчет. Но, растратив свой небольшой заработок, они снова должны были с осени и до весны наниматься работать на солеваренные заводы, копать колодцы, жечь древесный уголь и т.д.

Халтары являлись зачатком промышленных рабочих у хакасов и работали вне сферы аального производства.

3. «Чалчы» – наемные работники среди аальной общины, представлявшие основную часть чох-чоосов. Они имели свое небольшое хозяйство. Различные категории чалчы находились на положении феодально-зависимых людей и наемных батраков, причем, в социальной практике эти формы эксплуатации переплетались и не выступали в чистом виде. Нанимавшиеся «чалчы» могли быть и из своей общины. Родовая принадлежность не играла роли.

Жизнь чох-чооса была полна нужды и лишений. У человека, как утверждалось исторической традицией, считалось три главных личных праздника: «пала тойы» – торжество по случаю рождения ребенка, «хоных тойы» – свадьба и «түгенчи той» – тризна после похорон в память об умершем. Но рождение чох-чооса не было праздником. Свадьбу он часто не мог справить, так как все небольшие сбережения уходили на уплату калыма. Чох-чооса хоронили в день его смерти очень скромно. Бая же хоронили только на третьи сутки, устраивая ему пышные поминки.

Жилищем бедняков и работников бая служили алачики – юрты конической формы, покрытые берестой или лиственничной корой. В лучшем случае они ютились в шестистенной юрте с корьевой крышей. У баев были 12-стенные юрты для жилья и для гостей, шестиугольные кухонные юрты, а

также деревянные дома. Чох-чоосы при входе в байскую юрту должны были снять головной убор и стоять у порога. Проходить дальше им не разрешалось. Если бай заезжал к кому-нибудь в гости, то его коня привязывали за самый верхний венец коновязи внутри двора. Бедняк же оставлял свою лошадь за оградой.

Основную часть хакасов составляли ортымаки – середняки. Ортымаки батраков не держали и жили за счет своего труда. Если принять за основу скотоводческого хозяйства содержание крупного рогатого скота (по статистическим материалам 1909-10 гг., крупный рогатый скот у хакасов – 51,5% всего поголовья), то в начале XX в. ортымаки составляли 52% наличных хозяйств. Они владели от 10 до 49 головами крупного рогатого скота. По обеспечению лошадьми (от 3 до 25 голов) ортымаки в среднем по трем ведомствам составляли 59% наличных хозяйств. Сравнительно слабое развитие капиталистических отношений у хакасов объясняет, почему у них была довольно многочисленная группа средних хозяйств.

Ортымак мог продавать 1-2 лошади на сумму 25-50 руб., крупного рогатого скота на 80-100 руб., овец 10-15 штук на 30-45 руб., шерсти до 50 кг на 15-20 руб., топленого масла, кожи и овчин на 10-15 рублей. Общий годовой бюджет ортымака составлял около 160-230 рублей. Имея такое хозяйство, хакас весь свой небольшой доход тратил на покупку одежды и других товаров. Среднее хозяйство еле сводило концы с концами. При благоприятных условиях оно медленно увеличивало размеры, но в первый же трудный год такому хозяйству грозила опасность разорения.

Хозяйства ортымаков не были однородными. Среди них выделялись: чоданги – менее зажиточные, порою не имевшие денег для уплаты албана, и пардамы – высшая группа, приближавшаяся в небольшой своей части к баям.

Эксплуататорским классом хакасского общества являлось байство (пайлар), которое сосредоточивало в своих руках многочисленный скот, мочажные земли и зимние выпасы. Они представляли, как бывшую феодальную знать, так и нарождающихся представителей буржуазии. Согласно хакасским понятиям, к баям относились богатые скотоводы, владевшие более чем 100 головами крупного скота (лошадей и коров). Баи в широком смысле, т.е. и разбогатевшие скотоводы, составляли около 15% хозяйств, но верхи феодальной по своему историческому происхождению «аристократии» не превышали 4%.

Были аалы, в которых отдельные баи в сущности монополично сосредоточивали почти весь скот. В аале Хызыл хас в 1897 г. было 900 лошадей и 1000 коров. Из этого скота баю Л. Ульчугачеву принадлежало 800 лошадей и 450 коров. В 1911 г. у 939 хозяйств, относящихся к двум Шалошиним родам Абаканского ведомства, насчитывалось 19103 лошади, в том числе у 53 баев – 12705 голов. Следовательно, 66% всех лошадей находилось в руках 5,6% хозяйств.

Баи разделялись на ряд социально-сословных групп.

«Пугдуры» (пугдур пайлар) – крупные скотовладельцы, имевшие тысячи голов скота и огромные территории зимних пастбищ, заимок и сенокосных угодий. Работали на них десятки хулов и много различных наемных работников вместе с семьями. Табунное коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота имело значительное товарное направление. В руках пугдуров накопились большие богатства, поэтому их иногда называли «чызаан пай» или «пухсуп парган пай», т.е. баи, у которого «гниет богатство». По данным обследования 1909-10 гг. в хозяйствах пугдуров насчитывалось в среднем до 700 голов скота, в переводе на крупный (см. таблицу 5 в приложении). Назовем некоторых баев-пугдуров: Х. Тутужеков (3000 лошадей), Н. Азраков (1000 лошадей, 4000 овец), С. Сукин (1800 лошадей), Н. Сукин (10000 лошадей).

Пугдуры были феодально-байской верхушкой хакасского общества, втягивающейся в товарные и капиталистические отношения. Например, баи П. Чарков имел несколько тысяч лошадей, две тысячи овец и много коров. Его сын Григорий держал хлебный и промышленный магазины, разводил арабских и английских скакунов, держал паром через р. Енисей. По данным А.А. Ярилова, стоимость общего инвентаря П. Чаркова на 1897 г. достигала 5000, скота – на сумму свыше 20000 рублей.

«Тёнгисы» (тёңіс пайлар) – древняя родовая знать, владевшая наследственными именьями. В их руках находилось много скота и золота. Тёнгисы обладали большими семействами с многочисленной прислугой. В их хозяйстве применялся труд потомственных должников-хулов и других работников. Тёнгисы в рассматриваемое время по своему богатству не уступали пугдурам. По древней традиции они в основном продолжали вести табунное коневодство. Тёнгисы имели в среднем на двор от 200 до 300 голов скота в переводе на крупный. Термин «тёнгис» дошел к нам с древних времен и характерен для обозначения имен богатых и ханов героических сказаний (Хан Тёңіс, Тёңіс алып). Вполне возможно, что имя Чингис хан связано с этим словом.

В середине XIX в. тѣнгис Чирка Картин имел 12 тыс. лошадей, до 5 тыс. крупного рогатого скота, 32-15 тыс. овец, 30 дес. запашки в поле. Отец его был почти единственным поставщиком лошадей и скота на прииски и скопил до 30 тыс. руб. серебром. Все строения усадьбы занимали пространство около одной десятины. «Дом окружен юртами, в которых живут его работники. Их у него с пастухами до 250-ти». Внук Чирки – Апун, похваляясь своим богатством, говорил: «Прежде, чем кончится капитал Картиных, раньше переведется песок в р. Абакане». Однако Апун промотал состояние предков.

«Кистемы» (кистем пайлар) – мелкие баи, в основном, внезапно разбогатевшие выходцы из середняков. Под эту категорию попадали также обедневшие баи. Состояние свое они строили, как правило, за счет перепродажи скота, поставки сена, продажи товаров в кредит, получения прибыли от мельницы, извоза и т.д. Среди них встречались ростовщики, ссужавшие беднякам деньги под проценты. В среднем кистемы имели 100-200 голов крупного скота. Название «кистем», несомненно, восходит к обозначению киштымов – вассального населения Кыргызского государства и свидетельствует о преемственной связи социально-классовых институтов хакасов с их предками.

Это был нарождающийся новый социальный слой сельскохозяйственной буржуазии, вышедший из простого люда.

Социальная структура и административно-правовые институты у народов Южной Сибири отражали своеобразие сложившихся у них социально-экономических отношений при сильном влиянии Российской государственной системы. Уравнивая байскую верхушку хакасов с сородичами в качестве ясачных людей, царизм в то же время отвел им роль чинов низшего звена феодально-административного аппарата, сосредоточил в их руках сбор ясака и судопроизводство.

Библиографический список

1. Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. – М., 1958. – С.12.
2. Более подробно см.: Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского Союза». В.3. Хакасы. – М., 1990. – С. 37-54.
3. Бутанаев В.Я. Ук.соч., с.42.
4. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. – Якутск, 1978. – С.38.
5. Бутанаев В.Я. Ук.соч., с. 42.
6. Лаппо Д. Общественное управление минусинских инородцев. // Известия императорского томского университета. кн. 25. – Томск, 1905. – С.19.
7. ЦГАРХ, ф.и-1, оп.1, л.125, л.3.
8. Лаппо Д. Ук.соч., с.14.
9. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала. – Абакан, 1987. – С.74.
10. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии). – Абакан, 2002. – С.47.
11. ЦГАРХ, ф.и-2, оп.1, д.906, л.4-7.
12. Бутанаев В.Я. Ук.соч., с. 48.
13. Бутанаев В.Я. Ук.соч., с. 48.
14. Лаппо Д. Ук.соч., с. 49.
15. Бутанаев В.Я. Ук.соч., с.119.

© Бутанаев В.Я.

*Н.Я.Артамонова,
Хакасский государственный университет
им.Н.Ф.Катанова*

ВКЛАД ЭВАКУИРОВАННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИЕ НАУКИ И НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ХАКАСИИ

Великая Отечественная война внесла значительные изменения в жизнь всего советского народа. В трудном положении оказались все сферы народного хозяйства, здравоохранения, культуры. Тяжелому испытанию подверглись народное образование и наука.

В условиях военного времени резко сократилась сеть высших учебных заведений и контингент учащихся. В 1942 г. в стране насчитывалось всего 460 вузов, в то время как в 1941 г. их было 817.¹

Многие высшие учебные заведения были либо закрыты, либо объединены как родственные по профилю, либо находились в стадии эвакуации и устройства. Так, к декабрю 1941 г. 110 вузов были объединены, а 55 закрыты в связи с малочисленностью студентов.²

Сокращение в большей степени коснулось высших педагогических учебных заведений. На 10 февраля 1941 г. в стране функционировало 396 вузов, готовивших педагогические кадры, в 1942 г. их насчитывалось только 203.³

В связи с тем, что значительная часть учебных заведений, учреждений науки находилась в непосредственной близости от фронта, государственными и партийными органами была проведена гигантская работа по эвакуации их в глубокий тыл. Это одна из самых героических страниц из жизни советского народа в годы Великой Отечественной войны. Программа по перестройке народного хозяйства